

Г. Н. Потанин

**Очерки Северо-Западной
Монголии**

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г. Н. Потанин**
Очерки Северо-Западной Монголии: Выпуск 1 / Г. Н. Потанин – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 454 с.

ISBN 978-5-4241-8896-1

Результаты путешествия, проделанного в 1876-1877 годах. Дневник путеше-
ствия и материалы для физической географии и топографии С.З.Монголии.

ISBN 978-5-4241-8896-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нашимъ русскимъ путешественникамъ часто ставили въ вину, что они, издавая описанія своихъ путешествій, имѣютъ въ виду только своихъ ученыхъ читателей, забывая при этомъ остальную публику, и наполняя свои описанія сухими фактами, умалчиваютъ о явленіяхъ, имѣющихъ общій интересъ. Мой трудъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой, заслуживаетъ подобнаго отзыва, потому что я ограничился изложеніемъ однихъ только фактовъ топографіи и этнографіи, исключивъ изъ путешествія какъ личныя впечатлѣнія, такъ и рассказы постороннихъ лицъ, которыми обрисовывается какъ характеръ мѣстной природы, такъ и образъ жизни мѣстнаго населенія. Первоначальное мое намѣреніе было такое: издавъ отчетъ по топографіи и этнографіи края, я хотѣлъ для общей публики написать отдѣльно путевые очерки, въ которыхъ мои личныя воспоминанія могли бы быть дополнены извлеченіями изъ другихъ авторовъ о Монголіи, такъ что это была бы популярная книга объ этой странѣ, знакомящая съ ней въ возможной полнотѣ по послѣднимъ результатамъ нашихъ развѣдокъ и изслѣдованій. Написать такую книгу теперь я еще не чувствую себя въ силахъ; для этого необходимо владѣть болѣшимъ знаніемъ природы страны, экономическихъ условій жизни населенія, памятниковъ его письменности и устныхъ памятниковъ народнаго творчества, хотя и по переводамъ, а также болѣшимъ знаніемъ нашей литературы

о предметѣ. Разсчитывая продолжать изученіе Монголіи, я считала преждевременнымъ браться за исполненіе такого предпріятія; по этому я долженъ повременить съ подобнымъ изданіемъ и развѣ только, если позволитъ время, напечатать нѣсколько отдѣльныхъ выдающихся эпизодовъ изъ путевой жизни нашей экспедиціи.

Отказываясь, такимъ образомъ, пока писать о Монголіи и монгольской жизни для публики вообще, я не хотѣлъ бы оставить не высказанными теперь же нѣкоторыя общія мои замѣчанія объ этомъ народѣ. Замѣчанія эти основываются только на внѣшнемъ знакомствѣ съ монголами; для болѣе полного знакомства съ ними мнѣ не доставало знанія языка; хотя я сознавалъ, что путешественникъ уже изъ одной вѣжливости къ чужому народу, а тѣмъ болѣе въ интересахъ выполненія своей ученой миссіи, долженъ изучать языкъ туземцевъ, тѣмъ не менѣе коллекторскія занятія во время путешествія постоянно отвлекали меня отъ занятія монгольскимъ языкомъ. Но и одна внѣшняя картина быта большого и оригинальнаго народа способна возбуждать вопросы и желанія отыскать на нихъ отвѣты. Монгольскій народъ представляетъ сплошное населеніе на протяженіи 16° по меридіану и 45° по параллельному кругу; уже одинъ этотъ фактъ такого обширнаго объединенія въ языкѣ, культурѣ и религіи, находящій можетъ быть свое объясненіе въ равнинномъ характерѣ страны, фактъ очень замѣчательный; другое обстоятельство, которое бросается въ глаза при первомъ же столкновеніи съ этимъ народомъ, это та степень культуры его, которая заставляетъ сознаться, что монгольскій народъ не бесплодно прожилъ до настоящаго времени; то, что мы у него находимъ, показываетъ, что и въ такой пустынной и бѣдной странѣ, какова Монголія, люди могутъ создать себѣ условія мирной и культурной жизни. Путешественника поражаютъ эти кочующіе монастыри, кочующіе алтари съ своими многочисленными пантеонами, кочующія бібліотеки, переносные войлочные храмы въ нѣсколько сажель высоты, школы грамотности, помѣщающіяся въ кочевыхъ палаткахъ, странствующие медики, кочевые лазареты при минеральныхъ водахъ — все это виды, которые никакъ не ожидаешь встрѣ-

тять въ кочевой жизни; по развитію грамотности въ народной массѣ монголы безспорно единственный кочевой народъ въ мірѣ. Это не дичь въ родѣ туркменовъ или даже нашихъ киргизъ. Кто видѣлъ оба народа, монголовъ и киргизовъ, тому невольно приходится желаніе провести параллель между ними. Монгольскіе князья по азіатски люди очень образованные; они часто умѣютъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ той имперіи, къ которой принадлежатъ, пишутъ по монгольски и тибетски, иногда даже изучаютъ санскритскій языкъ; многіе изъ нихъ живали по году или и болѣе въ Пекинѣ, столицѣ своего государства; они соревнуютъ другъ передъ другомъ въ постройкѣ монастырей и кумиренъ, въ обогащеніи ихъ дорогою утварью и металлическими изображеніями божествъ, одна перевозка которыхъ стоятъ большихъ денегъ; стараются пріобрѣтать книги. У нашихъ киргизъ султаны мало грамотны, письменные дѣла ведутъ преимущественно черезъ наемныхъ секретарей изъ бѣглыхъ татаръ или туркестанцевъ, единственнымъ занятіемъ, достойнымъ своего высокаго званія, считаютъ охоту съ ястребами и беркутами; книгохранилищъ и школъ киргизскіе султаны не заводятъ. Жизнь монголовъ проходитъ тихо; нравы ихъ мягки, преступленія рѣдки, о звѣрскомъ обращеніи съ женами или дѣтьми не слышно; преступленія, въ особенности убійство случаются рѣдко; русскіе купцы, живущіе въ Улассутаѣ, увѣрили меня, что въ теченіе семи лѣтъ, которые они прожили въ этомъ городѣ, они ни разу не слышали объ убійствѣ; при нихъ былъ всего только одинъ случай насильственной смерти, и то самоубійство. Въ какой степени монголы питаютъ отвращеніе къ насильственной смерти, свидѣтельствуетъ рассказъ, который мы слышали отъ нашего консула въ Ургѣ Я. П. Шишмарева: китайское начальство приговорило нѣсколько человекъ къ смертной казни за политическое преступленіе, но между монголами не находилось человѣка, который рѣшился бы принять на себя роль палача. За какія-то большія деньги однако вызвался одинъ монголъ и исполнилъ приговоръ, но тотчасъ же послѣ казни началъ испытывать отчужденіе отъ него

всего общества; въ концѣ концовъ его постигла крайняя нищета и несчастный человѣкъ долженъ былъ наконецъ побираться по міру; всё старались держаться отъ него подальше, и если онъ протягивалъ руку за подавникомъ, ему подавали, но тотчасъ же просили удалиться отъ дома. Иностранецъ можетъ спокойно путешествовать по странѣ, русскіе приващики въ одиночку развѣзжаютъ по кочевьямъ съ товарами и не жалуются на обиды; мы сами нѣсколько лѣтъ провели въ странѣ и ни разу съ нами не было случая воровства. Другіе нравы въ киргизской степи: вонючство здѣсь обыкновенное явленіе, грабежи и убійства то же не рѣдкость, и путешествовать по странѣ безъ конвоя едва ли такъ безопасно, какъ въ Монголіи. Поэтому знакомство съ Монголіей для насъ было бы полезно и для того, чтобъ въ изученіи условій, которыя привели монгольскій народъ къ его современному состоянію, найдти урокъ для нашей политики въ отношеніи киргизскаго народа.

Съ другой стороны насъ, какъ сосѣдей, не можетъ не интересовать другой вопросъ, вопросъ о будущности монгольскаго народа. Европейское движеніе приближается къ Монголіи со всѣхъ сторонъ; на востокъ Японія и Китай поддаются европейскому вліянію; на юговосточной окраинѣ монгольскаго отечества устроены христіанскія миссіи; на сѣворѣ часть монгольскаго племени, буряты принадлежатъ Россіи, и многіе бурятскіе мальчики учатся въ русскіхъ училищахъ и изрѣдка появляются въ университетскихъ городахъ и въ Петербургѣ. Пока внутренняя Монголія остается еще не тронутой, но въ ней есть уже многочисленный классъ, знающій грамоту — это ламы; каковъ бы онъ ни былъ, это все таки классъ, занимающійся духовной культурой и если на него нельзя смотрѣть, какъ на почву, способную воспринять европейскія идеи во всю свою ширину и глубину, то во всякомъ случаѣ изъ него можетъ выдѣлиться часть, которая будетъ имъ сочувствовать. Въ настоящее время эта монгольская интеллигенція исключительно занята религіозными вопросами; національной литературы почти не существуетъ; бібліотеки состоятъ почти единственно изъ тибетскихъ книгъ духовнаго содержанія; между ламами тибетская грамотность распро-

странена значительно обширѣе, чѣмъ монгольская; лама, хорошо читающій по тибетски, часто не умѣетъ написать своего собственнаго имени по монгольски. Монгольскій языкъ употребляется только въ канцеляріяхъ при административныхъ сношеніяхъ, а въ шабинскомъ вѣдомствѣ даже и административная переписка ведется на тибетскомъ; такъ въ дархатской землѣ затрудняются читать и писать по монгольски, росписки при сборѣ податей и долговъ ведутся тибетскою записью и въ дархатскомъ куренѣ при мнѣ нашолся всего одинъ человекъ, который умѣлъ написать письмо по монгольски. Охота изучить свою отечественную исторію, свой народъ и свою родину вовсе не развита; вся умственная энергія народа пока отдана на разъясненіе общечеловѣческихъ вопросовъ о нравственности и религіи; это похоже на періодъ господства схоластики въ Европѣ съ ея латынью, съ тѣмъ же презрѣніемъ къ варварскому родному языку, но безъ задатка въ той же чуждой литературѣ найти струю, которая привела бы впоследствии къ положительному знанію. Здѣсь опять киргизскій народъ представляетъ противоположность монгольскому или правильнѣе сказать другую стадію общественнаго развитія; киргизскій народъ еще не затронутъ книжными спорами о религіи и нравственности, отодвигающими національную жизнь на второй планъ; кодексъ нравственности и руководство къ практической жизни заключаются у него въ народныхъ преданіяхъ и обычаяхъ, а не въ священныхъ книгахъ, написанныхъ на чужомъ языкѣ; идеалы свои онъ видитъ въ національныхъ богатыряхъ, родоначальникахъ и герояхъ, а не въ святыхъ, не имѣющихъ родины. Монгольскій народъ, занимавшій своими кочевьями великую нагорную равнину центральной Азіи, служившую издавна ареною великихъ событій, гдѣ возникали и разрастались обширныя кочевныя монархіи, рано долженъ былъ вступить на путь народнаго объединенія и поглощенія всѣхъ мелкихъ племенъ, занимавшихъ эту равнину; возникновеніе время отъ времени сильной власти къ странѣ содѣйствовало водворенію въ краѣ проповѣдниковъ моральнаго ученія, приходившихъ изъ

сосѣднихъ странъ, стоявшихъ на высшей ступени цивилизаціи, и теперь мы видимъ, что съ одной стороны духовная культура глѣбоко вошла въ плоть и кровь монгола, съ другой родовой бытъ изглаженъ, мы находимъ подраздѣленіе народа на административныя части, но о подраздѣленіи его на поколѣнія остались только слабыя воспоминанія; на вопросъ: какой ты кости? монголъ отвѣчаетъ: монголъ или халха, или черной кости, бѣлой кости и далѣе этого нейдетъ. Имена поколѣній, въ особенности у халхасцевъ, позабыты; имена предковъ и легенды о нихъ тѣмъ болѣе. Другую картину представляетъ киргизскій народъ; родовой бытъ сохранился у него еще въ цѣлости; каждое поколѣніе живетъ въ въ одномъ мѣстѣ и общими интересами, которые съобща и защищаетъ; браки внутри поколѣнія запрещаются, какъ между родственниками; каждое поколѣніе помнитъ своего предка, и если не всякій членъ поколѣнія, то многіе въ состояніи разсказать всю генеалогію отъ родоначальника своего поколѣнія вплоть до своего отца; здѣсь не только помнятъ имя родоначальника, но его женъ, братьевъ; о женахъ разскажутъ откуда она взята, законная была или наложница; сохранены легенды о предкахъ, объясняющія иногда, почему они получили свое прозвище. Никакое вѣдшее духовно-культурное вліяніе не отвлекло вниманіе киргиза отъ своихъ національныхъ преданій и національная жизнь въ этомъ народѣ бьетъ ключемъ. Это тѣмъ удивительнѣе, что киргизы, какъ и монголы, занимаютъ равнинную страну, при томъ также служившую ареной великихъ военныхъ и народныхъ передвиженій; это какъ будто намекаетъ, что киргизы только недавно вступили въ эту страну изъ другаго отечества, гдѣ они жили въ болшемъ единеніи отъ исторической жизни.

Появленіе мысли о предстоящемъ національномъ возрожденіи этихъ двухъ большихъ народовъ Средней Азіи, монгольскаго и киргизскаго, или о приобщеніи ихъ къ европейской жизни весьма естественно въ умѣ путешественника, въ особенности русскаго. Съ одной стороны картина того, какъ въ семью цивилизованныхъ народовъ одинъ за другимъ вступаютъ народы полудицилизованныя,

ные, заставляють мысль человѣческую продолжать этотъ прогрессъ и на незахваченные еще ею народы, съ другой желаніе этого распространія европейской цивилизаціи въ путешественникѣ пробуждается и наблюденіи надъ несовершенствами туземной жизни; какъ ни кажется безмятежною и мирною жизнь монголовъ, картины паразитической нищеты и медленной голодной смерти встрѣчаются и здѣсь, рядомъ съ безразсудною расточительностью на монастыри, храмы и блестящую обстановку высшихъ духовныхъ лицъ, которые, благоденствуя и жуируя въ волю, за глаза насмѣхаются надъ народной глупостью. Отсутствие мѣръ на случай общественныхъ бѣдствій, повѣтрій, падежей, неурожая хлѣба и кормовъ, и медицина, больше, чѣмъ на половину состоящая въ шарлатанствѣ и предразсудкахъ, наконецъ скудость средствъ, которыя степная природа даетъ человѣческой жизни безъ помощи науки, заставляютъ желать, чтобъ точныя науки были пересажены на монгольскую почву.

Этотъ переворотъ зависить главнымъ образомъ отъ введенія въ странѣ свѣтскаго образованія, свѣтской школы. Заведеніе европейскихъ школъ, возможное для русской инициативы въ киргизской степи, недоступно ей въ иностранной Монголіи; но кромѣ школы есть еще пути, которыми русская интеллигенція можетъ дѣйствовать на сосѣднюю азіатскую страну, это путешествія ученыхъ и торговля сношенія. Путешествія русскихъ по Монголіи, прежде ограничившіеся только проѣздами по пекинско-кахтинской дорогѣ подъ предлогомъ провозанія пекинской духовной миссіи, начиная съ 1870 г., когда Н. М. Пржевальскій совершилъ первое отдаленное путешествіе въ Хухунору и на Тибетское плоскогорье, стали учащаться — и направляться по новымъ путямъ; пока эти путешествія имѣютъ видъ рекогносцировокъ, предпринимаемыхъ съ слышкомъ общемою программою изслѣдованій, но вѣроятно вслѣдъ за ними начнутся и детальныя изслѣдованія страны специалистами. На развитіе изученія Монголіи несомнѣнно окажетъ сильное вліяніе будущей сибирскій университетъ. Накопленіе точныхъ знаній о странѣ, особенно о народѣ, о его историческихъ памятникахъ и устной литературѣ, должно пробудить и въ самихъ монголахъ жажду

знать свою родину обстоятельнѣе, особенно когда у нашихъ бурятъ появится стремленіе къ изученію своей народности и изъ среды ихъ начнутъ выходить ученые путешественники по Монголіи.

Наши торговныя сношенія ведутся, по крайней въ сѣверо-западной Монголіи, гдѣ мнѣ довелось путешествовать, съ людьми, которыхъ нельзя считать представителями нашей интеллигенціи; но это положеніе вещей можетъ измѣниться къ лучшему. Наши торговцы проникаютъ въ сѣверо-западную Монголію изъ трехъ пунктовъ: Бійска, Минусинска и Тункинскаго селенія; всѣ эти три пункта представляются сибирскими захолустьями, бѣдными интеллигентной жизнью; изъ этихъ трехъ пунктовъ Бійскъ самый богатый городокъ, въ немъ 6000 жителей, есть уѣздное мужское училище и женская школа, но нѣтъ публичной библіотеки, и досугъ жителей растрачивается на кутежи и картежную игру. Минусинскъ въ смыслѣ умственной жизни стоитъ лучше; въ немъ существуетъ музей, основанный частнымъ человекомъ г. Мартыановымъ; этотъ музей, составляя теперь городскую собственность и не переставая имѣть въ г. Мартыановѣ руководителя и покровителя, долженъ воспитательно дѣйствовать на мѣстное общество, что замѣтно и теперь на минусинцахъ; встрѣчая тамошнихъ жителей гдѣ-нибудь по нашей дорогѣ, мы у многихъ изъ нихъ замѣчали теплое участіе къ этому общественному учрежденію; но Минусинскъ отгороженъ двумя высокими хребтами отъ Монголіи и въ то время, какъ бійскіе купцы разъѣзжаютъ по всей сѣверо-западной Монголіи на югъ до Баркуля и Хами и на востокъ далѣе Уляссутаа, минусинцы долго не переходили за караульную линію, отдѣляющую кочевья монголовъ отъ урянхайцевъ и только въ послѣднее время стали появляться въ уляссутаѣ. Третье мѣсто, Тункинское селеніе, должно бы имѣть больше, чѣмъ какое-другое изъ этихъ трехъ пунктовъ значенія въ смыслѣ культурнаго обмѣна; Тункинское селеніе ближе, чѣмъ Бійскъ и Минусинскъ, къ государственной границѣ; хотя и его отдѣляетъ отъ монгольскаго населенія полоса, населенная народомъ татарскаго племени, но эта полоса здѣсь узка, не болѣе 70 верстъ, тогда какъ противъ Бійска и Минусинска она достигаетъ ширины

до 500 верстъ; наконецъ Тункинское селеніе окружено буратами, народомъ монгольскаго племени, которые, принимая участіе въ торговлѣ съ монголами, въ то же время подчиняются въ сильной степени русскому вліянію; но Тункинское селеніе, хотя и близкое къ такому большому городу, какъ Иркутскъ, есть въ дѣйствительности одно изъ самыхъ печальныхъ и захудалыхъ мѣстечекъ въ Восточной Сибири. Здѣсь всего одна небольшая сельская школа и та ведется дурно; нравы у мѣстнаго населенія грубы, интересы умственныхъ нѣтъ, тонъ мѣстному обществу задаютъ волостные и засѣдательскіе писаря изъ сосланныхъ за воровство. Таковы пока наши органы культурнаго воздѣйствія на сосѣднюю Азію. Сила этого воздѣйствія будетъ зависѣть отъ того, будетъ ли дана Сибири свобода развить скоро и широко свои умственные задатки. Въ настоящее время контингентъ нашихъ торговцевъ въ сѣверо-западной Монголіи такъ мало интеллигентенъ, что путешественникъ не можетъ отъ него ожидать никакой помощи въ своихъ ученыхъ занятіяхъ; не найдется человѣка, къ которому можно было бы обратиться съ просьбою сдѣлать рядъ наблюденій надъ термометромъ, въ теченіи хотя нѣсколькихъ мѣсяцевъ, или просить составить ученую коллекцію; даже самые краткіе маршруты съ трудомъ можно добывать отъ нихъ; а между тѣмъ многіе изъ нихъ бывали въ такихъ мѣстахъ, куда европейскій путешественникъ еще не скоро попадетъ *).

Кромѣ этихъ общихъ замѣчаній считаю нужнымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько указаній относительно текста.

Стиль въ текстѣ вездѣ принять старшій.

Относительно орфографіи собственныхъ именъ должно замѣтить, что при незнаніи монгольскаго письма, мнѣ приходилось записывать по слуху; вслѣдствіе этого можетъ быть мой текстъ изобилуетъ именами въ простонародномъ произношеніи или даже искаженіи въ родѣ русскихъ Шлюшинъ, Рамбовъ ии. Шлиссель-

*) Считаю здѣсь своимъ долгомъ выдѣлить изъ среды этого купечества И. П. Котельникова, Г. И. Посылина и г. Антропова, гостепріимству и совѣтамъ которыхъ экспедиція многимъ обязана.

бургъ, Орапиенбаумъ и т. п., но я думаю, что сдѣлалъ лучше, поступая такимъ образомъ и не вдаваясь въ теоретическія соображенія, какъ бы это имя слѣдовало написать сообразно съ, принятыми нашими ориенталистами правилами переписи монгольскихъ звуковъ русскими буквами. Поэтому одно и то же слово въ моемъ текстѣ является иногда въ трехъ и болѣе различныхъ произношеніяхъ, напримѣръ Боргазы, Бургассу, Боргассинъ; всѣ эти три имени означаютъ ивнякъ и приданы рѣчкамъ вѣроятно потому, что онѣ поросли ивнякомъ. Слово это монгольское, но какъ собственное имя рѣчки оно встрѣчается въ Алтай, населенномъ алтайцами, которые и произносятъ его боргазы. Точно также монгольское слово усунъ, вода встрѣчается въ предѣлахъ заселенія алтайцевъ въ названіи рѣчки Чаганъ-узунъ. Слѣдуетъ ли эти алтайскія названія выправлять согласно монгольскому произношенію: бургассунъ, чаганъ-усунъ? Если слѣдуетъ, тогда картографу придется предпринять обширный трудъ исправленія вѣками испорченныхъ именъ и нерѣдко становиться въ тупикъ передъ своей задачей. Такъ напримѣръ, что ему дѣлать съ названіемъ алтайской рѣчки Уландрынь, которое можетъ быть есть ничто иное, какъ варварски испорченное монгольское Уланъ-бура, красный ивнякъ, какъ монголы и называютъ ту же самую рѣчку? Если же алтайскія названія, заимствованныя изъ монгольскаго, должны быть оставлены въ ихъ искаженной редакціи, то почему не сохранить въ текстѣ отгѣнки произношенія и на монгольскихъ нарѣчіяхъ? Исключенія должны быть допущены только для тѣхъ сдѣлавшихся общеизвестными названій, написаніе которыхъ уже утвердилось въ русской литературѣ. Сознаюсь, что читатель найдетъ въ текстѣ несоблюденіе и этого правила, что слѣдуетъ отнести уже къ моей винѣ. Такъ, напримѣръ, нашей литературой усвоено писать курень, что значить ламайскій монастырь; такъ это слово и произносятъ русскіе въ Восточной Сибири; но бійскіе торговцы произносятъ его хуря, придавая ему женскій родъ; подъ давленіемъ этого употребленія члены нашей экспедиціи привыкли къ этому произношенію и оно протѣснилось въ мой текстъ, то съ мужскимъ, то съ